

ИЗЪ ПОХОДНЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

КАВКАЗЪ.

Предлагая выдержки изъ своихъ походныхъ записокъ, я долженъ оговориться, что въ нихъ нѣтъ систематическаго разсказа объ одномъ какомъ-нибудь эпизодѣ столь богатой эпизодами нашей кавказской войны. Это просто бѣглыя замѣтки, вызванныя воспоминаніями прошлаго времени. Теперь Кавказъ не тотъ, какимъ я его оставилъ, и тѣ случаи, которые, десять лѣтъ тому назадъ, составляли живой интересъ настоящаго, нынѣ перешли въ преданія и могутъ даже показаться анахронизмомъ.

I.

ЧИРЬ — ЮРТЪ.

Урочище Чирь-Юртъ, бывшее долго штабъ-квартирою, прославившагося на Кавказѣ, Нижегородскаго драгунскаго полка, лежитъ на правомъ берегу Сулака, какъ-разъ на границѣ шамхальства Тарковского съ обществами ауховцевъ и сала-тавцевъ.

Сулакъ самая замѣчательная рѣка сѣвернаго Дагестана, какъ Самуръ—южнаго. Онъ образовывается въ землѣ койсу-булинцевъ изъ сліянія между собою горныхъ рѣчекъ, носящихъ общее названіе „койсу“, и, съ шумомъ вырываясь изъ ущелья, на разстояніи почти 30 верстъ, стремится къ сѣверу до Казіюртовскаго укрѣпленія, за которымъ поворачиваетъ на востокъ и, подобно Тереку, впадаетъ въ Каспійское море. На этомъ пространствѣ Сулакъ теряетъ характеръ горныхъ рѣчекъ и течетъ медленно; но ширина его на плоскости не менѣе 40 сажень, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходитъ до 100 и даже болѣе.

Въ полоую воду Сулакъ проходимъ только по мостамъ; во въ осеннее и лѣтнее время, когда таяніе снѣговъ въ горахъ

прекращается, въ немъ открываются довольно удобные броды, Все теченіе Сулака охранялось нѣсколькими укрѣпленіями и сторожевыми башнями, построенными въ разное время и по требованію различныхъ обстоятельствъ. Самое южное укрѣпленіе было Евгеніевское, находившееся еще въ горахъ и построенное во время салатавскаго похода 1841 года. На сѣверѣ укрѣпленная линія замыкалась Кази-Юртомъ. Пространство это раздѣлялось на два участка: горное теченіе Сулака до Худомбашевской башни состояло въ вѣдѣніи коменданта Евгеніевской крѣпости, а пространство отъ Худомбаша до Кази-Юрта включительно подчинялось командиру Нижегородскаго драгунскаго полка, съ званіемъ котораго сопряжено было званіе и начальника сулакской линіи. Въ его вѣдѣніи, кромѣ урочища Чирь-Юрта, состояли еще старая Чирь-юртовская крѣпость, Міатлинская башня, Казикюртовское укрѣпленіе и отчасти мирные аулы, разбросанные по правому берегу.

Вся эта часть линіи къ сторонѣ Каспійскаго моря представляеть ровную, степную мѣстность, покрытую кое-гдѣ довольно густымъ лѣсомъ, изобилующимъ отличными сѣнными покосами, которые принадлежали Селимъ-хану, владѣтелю аула Султанъ-Юрта. По лѣвому берегу тянутся густые кустарники, а за ними небольшія поляны, замыкающіяся уже отрогами Андійскаго хребта, извѣстнаго здѣсь подъ именемъ Салатавскихъ горъ.

До 1845 года сулакская линія, оберегаемая одними уральскими казаками, не имѣла почти никакихъ укрѣпленій. Важность этой линіи было оцѣнена покойнымъ фельдмаршаломъ княземъ Воронцовымъ только послѣ его даргинской экспедиціи, убѣдившей всѣхъ, что покорить горы невозможно, не покоривъ сперва плоскости и предгорія. И вотъ, пока строилось, для защиты Кумыкской плоскости, укрѣпленіе Хасафъ-Юртъ, генераль Лабинцевъ заложилъ тогда же, для защиты шамхальства, новую крѣпость и назвалъ ее Чирь-Юртомъ. Названіе это было не новое, потому что съ именемъ Чирь-Юрта соединена одна изъ самыхъ кровавыхъ легендъ нашей кавказской войны.

Давно, когда страшная драма мирюдизма только что начинала разыгрываться въ восточной половинѣ Кавказа, на лѣвомъ берегу Сулака стоялъ аулъ Чирь-Юртъ. Это былъ большой и хорошо укрѣпленный аулъ, принимавшій дѣятельное

участіе въ казаватъ. Въ началѣ 1831 года толпы дагестанцевъ осадили крѣпость Внезапную, и гарнизонъ, доведенный до крайности, былъ освобожденъ нашими войсками, подоспѣвшими съ линіи. Къ сожалѣнію, генераль-лейтенантъ Эмануэль, командовавшій отрядомъ, слишкомъ увлекся своею побѣдою и, начавъ преслѣдованіе горцевъ, неосторожно вдался въ дремучіе лѣса ауховцевъ, гдѣ, говоря безъ обиняковъ, потерпѣлъ такое пораженіе, что войска его съ трудомъ успѣли отступить къ Внезапной. Самъ Эмануэль, въ битвѣ при Акташъ-чаѣ, былъ раненъ и принужденъ удалиться въ Россію.

По его отъѣздѣ, начальство надъ войсками принялъ генераль-майоръ Вельяминовъ, знаменитый въ лѣтописяхъ кавказской войны. Это, повидимому, совершенно постороннее обстоятельство для горцевъ отозвалось въ скоромъ времени страшною грозою надъ чирь-юртовцами, вовсе неожиданными своей участи.

Неудача Эмануэля, при всеобщемъ колебаніи умовъ дагестанскихъ горцевъ, волнуемыхъ новымъ ученіемъ, могла принести самые печальные плоды, а потому надо было поторопиться загладить слѣдъ ея такимъ пораженіемъ, отъ котораго горцы не могли бы скоро оправиться. Составленъ былъ планъ дѣйствія противу Кази-муллы, осаждавшаго въ то время Дербентъ съ двухъ сторонъ: со стороны южнаго Дагестана и съ кавказской линіи.

Въ октябрѣ 1831 года, войска чеченскаго отряда двинулись къ Дербенту и съ боя овладѣли переправою черезъ Сулакъ около Чирь-Юрта, наполненнаго тогда приверженцами мюридизма. Въ тотъ же день и самый аулъ, послѣ упорнаго и кровопролитнаго штурма, былъ взятъ. Послѣднія минуты Чирь-Юрта были ужасны: кавказскіе старожилы говорятъ, что не были пощажены ни дѣти, ни женщины, что самыя зданія преданы были пламени, и пожаръ, огненнымъ моремъ разлившійся по аулу, dokonчилъ страшную картину разрушенія. Кто не читалъ извѣстную поѣтическую думу Полежаева „Черная коса“, вызванную этимъ кровавымъ побоищемъ?

Съ тѣхъ поръ Чирь-Юртъ лежитъ въ развалинахъ. Роковыя событія 1843 года мрачно пронесли надъ нимъ; но и они не въ силахъ были поднять его изъ праха. Такъ онъ, заброшенный, стоитъ до сихъ поръ, и только вѣчные жильцы владбища, филины, змѣи и скорпіоны, гнѣздятся въ немъ и одни оживляютъ эти развалины.

Довольно взглянуть на карту, чтобы убѣдиться въ той очевидной выгодѣ, которую приобрѣтали мы съ занятіемъ сулакской линіи. Служа естественною границею Дагестана, Сулакъ отдѣлялъ Чечню отъ покорныхъ намъ владѣній шамхала тарковского, защита которыхъ во всѣ времена составляла живой интересъ нашего правительства. Заложение Чирь-Юртовской крѣпости было первымъ шагомъ съ загражденію пути партіямъ, появившимся сюда наѣздами то изъ-за Сулака, то спускавшимся съ горъ Дагестана.

Крѣпость, оказавшая намъ такія важныя услуги, была расположена на лѣвомъ берегу противъ самыхъ развалинъ стараго Чирь-Юртовскаго аула и сообщалась съ шамхальствомъ посредствомъ паромной переправы. Гарнизонъ ея состоялъ изъ трехъ ротъ кавказскаго линейнаго баталіона, четвертая рота котораго находилась въ постоянной командировкѣ и составляла гарнизонъ небольшого Казіюртовскаго укрѣпленія.

Но Чирь-Юртовская крѣпость, со своимъ трехротнымъ гарнизонемъ, не могла одна оборонять сулакскую линію: она должна была составить только передовой укрѣпленный пунктъ ея, а часть обороны шамхала, съ его подданными, должны были принять на себя другія войска, которыя, расположившись позади крѣпости, заняли бы весь правый берегъ теченія.

И вотъ, когда фортеція приводилась еще только къ окончанію, а объ урочищѣ Чирь-Юрть не было и помину, на Сулакъ пришелъ Нижегородскій драгунскій полкъ. Передъ нимъ разстилались лѣсистыя дебри Чечни; въ тылу у него громадились снѣговыя дагестанскія горы. Дико и непривѣтливо смотрѣли на новыхъ сосѣдей своихъ воинственныя общества ауховцевъ и салатавцевъ, земля которыхъ за Сулакомъ раздѣляетъ только рѣчка Акташъ-чай, пользующаяся между горцами извѣстностію наравнѣ съ Даргинскимъ ауломъ и Ичкеринскимъ лѣсомъ. Кромѣ ауховцевъ и салатавцевъ, сосѣдами нижегородцевъ сдѣлались бѣднѣйшія, а слѣдовательно и самыя хищныя племена лезгиновъ, разсѣянные въ каменистыхъ дагестанскихъ ущельяхъ, да еще шамхальцы, уже искавшіе у насъ защиты и покровительства.

Этотъ послѣдній народъ, кумыкскаго происхожденія, занимавшійся земледѣліемъ и скотоводствомъ, никогда не былъ воинственъ и, кажется, охотно отнесъ бы свое оружіе на са-

товку (*), страсть къ которой развилась въ немъ еще болѣе съ занятіемъ нами сулакской дивіи. Рѣдствіе частыхъ сношеній съ русскими, въ саляхъ шамхальцевъ появились предметы роскоши—первый признакъ невоинственности.

Прогуливаясь равъ по Большимъ Казанищамъ—одному изъ значительнѣйшихъ аудовъ шамхальства — мы замѣтили саблю, обращенную окнами на улицу. Это явленіе было такъ непохоже на все, что мы привыкли видѣть на Кавказѣ, такъ противорѣчиво кореннымъ обычаямъ горца, у котораго наружная сторона дома выводится дѣльною стѣною, съ пробитыми только въ ней бойницами, что мы заинтересовались узнать имя счастливаго владѣтеля. Оказалось, что онъ здѣшній житель, занимавшійся уже нѣсколько лѣтъ торговыми оборотами.

— Намъ пора перестать воевать—отвчалъ онъ на вопросъ относительно архитектуры своего дома—насъ берегутъ русскіе, а потому, не опасаясь мурзидовъ, можно обратить руки на другую работу. Я первый оставляю въковой адать, а ежели молодое поколѣніе послѣдуетъ моему примѣру, то шамхальцы забудутъ, какъ заряжается винтовка.

Но нельзя было услышать того же отъ сосѣдей шамхальцевъ на противоположномъ берегу Сулака, гдѣ понятіе о правѣ носить оружіе сливалось въ то время съ понятіемъ о личной волѣ и независимости. Вотъ почему горецъ, дорожа своимъ оружіемъ, никогда не прощаль покушенія отобрать его, и вотъ почему на эту тему разыгрывались не разъ сцены, полныя истиннаго драматизма. Мнѣ приходитъ на память одно происшествіе, случившееся не очень давно въ Кисловодскѣ. Я разскажу его такъ, какъ слышалъ самъ: въ свое время оно надѣлало много шума, но о немъ нигдѣ не писали.

Одинъ изъ небогатыхъ кабардинскихъ князей женился на дочери другаго князя, обладавшаго весьма большимъ состояніемъ, но своенравнаго и корыстолюбиваго. Часть калыма, по условію, заплачена была впередъ, а остальное молодой князь обязался отдать послѣ ярмарки, на которой рассчитывалъ продать табунъ лошадей. Ярмарка однакожь выдалась плохая: лошадей онъ не продалъ, а суровый тесть требовалъ или калыма, или возврата дочери. Молодому князю выбирать было не изъ-чего: онъ не могъ заплатить калыма и не хотѣлъ от-

(*) Сатовка—живовая торговля.

дать жену, которую любилъ и отъ которой имѣлъ сына. Дѣло пошло судебнымъ порядкомъ.

Молодаго князя потребовали въ Кисловодскъ, куда онъ прибылъ, въ домъ пристава, сопровождаемый своими нукерами. Дѣло должно было рѣшиться по адату; но такъ какъ почетные старшины не были еще собраны, а князь намѣревался возвратиться домой, то приставъ отдалъ приказаніе арестовать его. Горцы уже садились на коней, когда нѣсколько человѣкъ, заступивъ дорогу, потребовали у нихъ оружія. Такое требованіе было искроу, упавшею въ пороховой гозырь. Первый осмѣлившійся схватить за поводья княжескую лошадь упалъ съ разрубленною головою; нукеры, столпившіеся въ кучу, выхватили изъ чехловъ винтовки и, расчищая дорогу, кинулись на улицу, но, окруженные войсками, послѣ порядочной перестрѣлки, вынуждены были укрыться въ первомъ попавшемся домѣ. Домъ этотъ былъ „благородное собраніе“, и отчаянные кабардинцы, вскочивъ на хоры, заняли тамъ крѣпкую позицію.

Дикую отвагу и рѣшимость изображали мужественныя лица горцевъ; грозно сверкали стволы ихъ винтовокъ, наведенные прямо на двери, и едва показались солдаты, какъ съ хоровъ загремѣли выстрѣлы. Нѣсколько нашихъ были убиты и ранены. Тогда солдаты пошли на приступъ, и послѣ упорнаго, отчаяннаго сопротивленія князь былъ убитъ, а около него легли одинъ за другимъ всѣ вѣрные нукеры. Только два, изувѣченные штыками, были взяты въ плѣнъ и умерли въ нашемъ госпиталѣ. Кровавая драма кончилась, темная завѣса была опущена на это событіе!...

Возвратимся къ Чирь-Юрту.

Вотъ что осталось въ моей памяти изъ разсказовъ нижегородцевъ о переселеніи ихъ на сулакскую линію.

Полкъ, подъ начальствомъ извѣстнаго полковника Крюковскаго, выступилъ изъ Грузіи, гдѣ онъ квартировалъ въ Кара-Агачѣ, весною 1846 года, и на походъ переформировался въ десятиэскадронный составъ, съ помощію 4-го и 5-го дивизіоновъ, прибывшихъ изъ Россіи. Переформированіе это произведено было въ Екатериноградской станицѣ, откуда, послѣ двухнедѣльнаго роздыха, полкъ двинулся къ Чирь-Юрту уже по терекской линіи.

Въ Червленной получено было неожиданное извѣстіе, что Шамиль, возвратившійся изъ неудачнаго набѣга на Кабарду,

обложилъ крѣпость Внезапную. Полковникъ Крюковскій, зная, что на открытыхъ равнинахъ Чечни нужна будетъ добрая конница, поспѣшилъ туда съ четырьмя дивизіонами, оставивъ 7-й и 8-й эскадроны, вмѣстѣ съ обозами, на линіи.

Тревога, между тѣмъ, распространилась уже по всѣмъ станіцамъ, и казачьи резервы, обгоняя драгунъ, спѣшили занимать по рѣкѣ кордоны, опасаясь, чтобы скопище не бросилось на линію. Мостъ на Терекѣ сломали и переправу устроили паромную.

Когда нижегородцы приблизились къ переправѣ, то нашли ее уже занятою казачьимъ полкомъ князя Эристова, который также торопился къ Внезапной. Несмотря на энергическія усилія гребцовъ, работавшихъ изо всѣхъ силъ, паромы ходили медленно, и часто, сбиваемые быстротою Терека, уносились теченіемъ. Все это задержало нижегородцевъ на столько времени, что, переправясь, они получили извѣстіе о разбитіи чеченцевъ наголову генераломъ Фрейтагомъ. Казаки Эристова еще поспѣли къ концу дѣла; драгуны же слышали только раскаты пушечныхъ выстрѣловъ, но чѣмъ ближе подходили къ крѣпости, тѣмъ канонада становилась слабѣе и наконецъ умолкла. Скоро они увидѣли густыя облака пыли и узнали, что то возвращается наша пѣхота изъ своего преслѣдованія.

Полагаютъ, что и драгуны Крюковского могли бы принять участіе въ дѣлѣ, покрайней мѣрѣ на столько, на сколько это сдѣлали казаки Эристова; но Крюковскій самъ предпочелъ отклониться отъ перваго столкновенія съ чеченскою конницею. Онъ полагалъ, и полагалъ, конечно, не безъ основанія, что для полка, долго стоявшаго въ Грузіи, прежде чѣмъ нанести рѣшительный ударъ этой конницѣ и заставить ее взглянуть на себя сразу, какъ на грозу страшную и неотразимую, нужны были серьезная подготовка и добрая школа. А какая школа могла быть лучше той, какую представляла имъ въ будущемъ чирь-юртовская стоянка?...

Отъ Внезапной до Чирь-Юрта считается 18 верстъ, слѣдовательно переходъ небольшой; но такъ какъ моста черезъ Сулакъ тогда еще не было, а ветхіе паромы у крѣпости внушали къ себѣ весьма малое довѣріе, то Крюковскій предпочелъ переправиться выше, у Казы-Юрта, и потомъ спуститься по теченію рѣки къ султанъ-юртовскому аулу. Здѣсь, въ недалекомъ разстояніи за этимъ ауломъ, почти насупротивъ Чирь-

Юртовской вѣрности, полкъ остановился въ густой эскадронной колоннѣ. Тихо проѣхалъ Крюковскій по рядамъ его и, показывая кругомъ на безлюдную, обнаженную степь, поздравилъ всѣхъ съ новосельемъ. Слѣзли, разбили коновязи; офицеры молча усѣлись надъ кручею, подъ которою шумѣлъ Сулакъ, и невольно задумались надъ тѣмъ, что ожидало ихъ въ будущемъ. А будущее пока не представляло имъ ничего утѣшительнаго.

Мѣсто, выбранное въ окрестностяхъ стараго Чирь-Юрта, не отличалось достоинствами даже и въ климатическомъ отношеніи. Дневные жары сопровождались обыкновенно ураганами со стороны Каспійскаго моря, которые поднимали цѣлыя тучи песку и мелкаго камня. Ураганъ утихалъ только передъ закатомъ солнца, и тогда обитатели чирь-юртовской степи спѣшили насладиться короткою прохлагою вечера, потому что ночи здѣсь, какъ и на всемъ Кавказѣ, были сырыя и холодныя. Въ степи, куда пришли нижегородцы, во множествѣ, нигдѣмъ нетревожимые, жили до сихъ поръ фаланги и скорпіоны, а въ развалинахъ камней и подъ обрывами Сулака гнѣздились ядовитыя змѣи. Сосѣдство ихъ сначала сильно беспокоило офицеровъ, но змѣи скоро перебрались на ту сторону рѣчки; скорпіоны удержались только въ развалинахъ стараго Чирь-Юрта, ящерицы же и фаланги до послѣдней минуты не хотѣли покинуть жилища человѣка, и хотя укушеніе фаланги рѣдко бываетъ смертельно, однакожь причиняетъ жгучую боль и долгое страданіе (*).

Но и въ окрестностяхъ Чирь-Юрта жили не все же однѣ змѣи да ядовитыя гадины: въ прибрежныхъ кустахъ по Сулаку водилось много фазановъ; въ степи ходили цѣлыми табунами дрофы, и охота за ними составляла одно изъ пріятнѣйшихъ развлеченій, особенно въ первое время. Охота была еще лучше на другомъ берегу Сулака; но та охота требовала уже полнаго присутствія духа и ружья, заряженнаго пулею.

Какъ развивалась полковая жизнь нижегородцевъ, когда, подобно мореплавателямъ, выброшеннымъ на необитаемый островъ, очутились они посреди непривѣтливой степи, не имѣя

(*). Фаланга, въ раздраженномъ состояніи, гораздо опаснѣе скорпіона. Офицеры часто дѣлали опытъ, заключая фалангу и скорпіона въ однѣ стеклянный ящикъ; между ними тотчасъ же начинался бой и оканчивался всегда тѣмъ, что фаланга убивала скорпіона. Офицеры убѣдились также на опытъ, что легенда о самоубійствѣ скорпіона, обоженаго горячими угольями, не выдумка.

при себѣ даже необходимаго количества жизненныхъ предметовъ, которые невозможно было достать и у окрестныхъ жителей—все это послужило предметомъ интереснаго разсказа г. Каченовскаго, помѣщеннаго въ одной изъ книжекъ „Военнаго Сборника“ (*). Я же замѣчу, что новая штабъ-квартира, названная Чирь-Юртомъ, выстроилась собственными руками нижегородцевъ, которымъ на этотъ разъ довелось превратиться не только въ каменьщиковъ, плотниковъ и печниковъ, но даже и въ архитекторовъ. Выстроилась она не вдругъ, а постепенно. Сперва, на мѣстѣ лагерныхъ палатокъ, появились землянки такія убогія, что даже дагестанскій татаринъ умолкалъ въ знакъ полнѣйшаго къ нимъ презрѣнія; но когда и землянки мало по малу стали исчезать, какъ будто проваливаться сквозь землю, то на ихъ мѣстахъ показались уже домики, сперва тоже низенькіе, но скоро, въ свою очередь, уступившіе мѣсто довольно большимъ и красивымъ зданіямъ, между которыми бросался въ глаза домъ, занимаемый полковымъ командиромъ. Черезъ годъ Чирь-Юртъ обстроился такъ, что сталъ уже походить на небольшой, но чистенькій городокъ, въ кавказскомъ стилѣ.

Но что особенно было замѣчательно въ немъ, такъ это плашкоутный мостъ, о которомъ стоитъ сказать нѣсколько словъ. Прежде существовала черезъ Сулакъ переправа паромная; но въ виду такого проворнаго непріятеля, какъ салатавцы, она никуда не годилась, и потому инженерный подполковникъ Кесслеръ вызвался устроить мостъ на плашкоутахъ. На обѣихъ сторонахъ Сулака онъ укрѣпилъ толстые, каменные столбы, соединенные между собою корабельнымъ канатомъ, перекинутымъ черезъ рѣку. Такъ образовался упоръ, возлѣ котораго строитель поставилъ нѣсколько барокъ, тоже связанныхъ между собою и насланныхъ досками, и прикрѣпилъ ихъ посредствомъ веревочныхъ петель къ упорному канату. Вотъ и все устройство моста, который и поднимался и опускался вмѣстѣ съ Сулакомъ. За то сердитый Сулакъ, не встрѣчая въ немъ слишкомъ большаго сопротивленія, оставляя его въ покоѣ, тогда какъ со всякимъ другимъ мостомъ непремѣнно повторилась бы та же самая исторія, что съ каменнымъ мостомъ, перекинутымъ черезъ Терекъ, въ Дарьяльскомъ ущельи, т. е. на него затрагивали бы огромныя суммы, нѣсколько времени полюбовались бы его красивыми сводами, но въ одно прекрасное утро, проснув-

(*) „Былое.“ (Очерки изъ кавказской жизни.)

шись, увидѣли бы на его мѣстѣ безобразныя развалины или, еще лучше, не увидѣли бы ничего. Съ кавказскими рѣками, какъ и съ кавказскими горцами, шутить нельзя.

Верстѣ въ полторѣ отъ Чирь-Юрта, внизу, на долинь, образуемой теченіемъ Сулака, стоитъ слободка женатыхъ нижнихъ чиновъ; она обстроена чистенькими домиками, по большей части отдающимися въ наймы офицерамъ, неуспѣвшимъ пріютиться въ самомъ урочищѣ. Тутъ же помѣщается и духанъ—единственное общественно-увеселительное заведеніе Чирь-Юрта. Что же касается до полковаго хозяйства, огородовъ и проч., то все это раскинуто близъ дороги, спускающейся отъ урочища къ самому Сулаку, куда нижегородцы ежедневно водятъ поить своихъ лошадей, такъ какъ внутри штабъ-квартиры водопоевъ нѣтъ.

Слободка женатыхъ солдатъ, въ обезпеченіе отъ внезапнаго нападенія горцевъ, обнесена рвомъ, невысокимъ валомъ и отъ пробитія вечерней до утренней зори имѣетъ постоянное сообщеніе съ штабъ-квартирою посредствомъ развѣздовъ; поэтому жизнь въ ней была не опасна, но, кажется, гораздо привольнѣе, чѣмъ въ самомъ Чирь-Юртѣ: по крайней мѣрѣ она напоминала станицу, деревню, село, тогда какъ урочище пахло обширною военною казармою.

Вверхъ по теченію Сулака, верстахъ въ семи, лежитъ богатый аулъ Султанъ-Юртъ, служившій нѣкогда штабъ-квартирою Уральскаго казачьяго полка, содержавшаго тутъ кордоны. Теперь, въ небольшомъ укрѣпленіицѣ, вблизи этого аула, принадлежавшаго Селимъ-хану, помѣстился конный лазаретъ нижегородцевъ, подъ прикрытіемъ полковой инвалидной роты. Чтобы докончить картину окрестностей урочища, нужно сказать, что къ югу отъ него, неподалеку отъ старыхъ развалинъ, пріютился татарскій аульчикъ, имѣющій всего около 350 человекъ жителей. Это новый Чирь-Юртъ; а еще южнѣе его, къ самымъ горамъ уже, одиноко стоитъ сторожевая башня, названная по имени брода Міатлинскою. Она выстроена изъ камня въ два яруса, снабжена орудіями и самымъ миніатюрнымъ гарнизономъ отъ пѣхоты, каковая стоитъ поближе. Можно представить себѣ тоскливую жизнь этого гарнизона, ежели сказать, что смѣняется онъ рѣдко, а между тѣмъ, и лѣтомъ, и зимою, съ наступленіемъ сумерекъ, окна и двери башни запираются, и гарнизонъ остается въ замкнутомъ положеніи

до бѣлаго утра. Подчасъ только гремятъ оттуда пушечные выстрѣлы, обозначающіе различные условные сигналы, которыми башня разговариваетъ съ крѣпостью и урочищемъ, и нижегородцы хорошо понимаютъ языкъ ея. По гулу выстрѣловъ они безошибочно опредѣляютъ, большая ли партія, или мелкая шайка переходитъ границу, нападаютъ ли, наконецъ, на самую башню, и, стало быть, надо идти спасать гарнизонъ, который, по своей малочисленности, находился въ вѣчной опасности.

Но, впрочемъ, не въ подобной же ли замкнутости, быть можетъ только въ нѣсколько большихъ размѣрахъ, протекала жизнь и самаго Чирь-Юрта, откуда сообщенія производились во всѣ стороны не иначе, какъ при посредствѣ военныхъ оказій, выступавшихъ въ опредѣленное время, или съ особыми казачьими конвоями, на которые необходимо было доставать открытыя предписанія? Главныя дороги идутъ отсюда внутрь Дагестана черезъ г. Петровскъ или Темиръ-Ханъ-Шуру, а на терекскую линію черезъ Внезапную и Хасафъ-Юртъ. Въ Тифлисъ ѣздить по этой же дорогѣ, хотя есть ближайшій путь по сунженской линіи; но если бы вы захотѣли непременно взглянуть на Сунжу, то должны были ѣхать на Грозную, откуда вашъ путь шелъ уже по станицамъ казачьяго полка, прославленнаго именемъ Слѣпцова. Такъ вы добирались до укрѣпленія Назрановскаго, которое имѣло прямое сообщеніе съ Владикавказомъ. Дорога все время шла по самой передовой линіи; вы даже могли увидѣть въ сторонѣ синій дымокъ, поднимающійся надъ аулами непокорныхъ чеченцевъ, и, слѣдовательно, ѣхать надо было не только съ оружіемъ, но и съ оглядкою. А впрочемъ и здѣсь, на этой линіи, какъ и на всемъ Кавказѣ, иная драма разыгрывалась подъ часъ забавною комедіею.

По этой дорогѣ, незадолго до послѣдней турецкой кампаніи, случилось проѣзжать одному драгунскому полковнику. Ѣхалъ онъ изъ Чирь-Юрта по собственной надобности и, стало быть, открытаго листа не имѣлъ; но командиръ линейнаго полка, человекъ знакомый, охотно предложилъ ему своихъ казаковъ, прося только перемѣнить ихъ на донскомъ посту, находившемся всего верстахъ въ восьми отъ Назрановскаго. Время было такое, что партіи то и дѣло показывались на линіи и дѣлали перспективу путешествія далеко не привлекательною; однако до поста полковникъ доѣхалъ благополучно. Разсчиты-

вая, что новый конвой выѣдетъ, полковникъ отпустилъ линейцевъ, а между тѣмъ на новомъ посту большая часть казаковъ оказалась въ разгонѣ, и только по настоятельному требованію полковника рѣшились дать ему трехъ человѣкъ: двое изъ нихъ размѣстились по сторонамъ повозки, а третій поѣхалъ впередъ. Ну какъ бы, кажется, не проѣхать: конвой былъ неправый, лошади запряжены добрыя, дороги всего восемь верстъ, правда, немножко гористой, но вѣдь для лихаго ямщика это своего рода удовольствіе. И дѣйствительно, сперва ѣхали благополучно, какъ вдругъ на небольшомъ пригоркѣ передовой казакъ остановился, повернулъ назадъ и во весь духъ помчался на встрѣчу тройкѣ. Ямщикъ, предвидя опасность, сразу осадилъ лошадей; колокольчикъ оборвался и замеръ.

— Что такое? крикнулъ полковникъ. — Партія?

— Партія, ваше высокоблагородіе! отвѣчалъ прискакавшій казакъ.

На минуту водворилось молчаніе; у каждаго промелькнула мысль о возможности неравнаго боя, о смерти, о невыносимомъ мучительномъ плѣнѣ среди народа, гдѣ личность самого плѣнника не ставится выше раба, тогда какъ рабъ, въ свою очередь, не ставится выше домашняго животнаго.

— Да партія ли это, братецъ? переспросилъ полковникъ.

— А кто жъ ее знаетъ! стоитъ на самой дорогѣ, и все конные!...

Что было дѣлать? Составили совѣщаніе и рѣшили ѣхать впередъ, чтобы не ободрить непріятеля, не всегда рѣшительнаго въ своихъ дѣйствіяхъ днемъ, вблизи казачьихъ станицъ.

Съ пригорка дорога пошла легкимъ скатомъ въ довольно глубокую долину. По сторонамъ замелькалъ кустарникъ, а впереди, дѣйствительно, виднѣлась партія, и гораздо болѣе, чѣмъ въ двадцать человѣкъ. Противъ этой толпы, возлѣ самой дороги, стояло нѣсколько бѣдныхъ чеченскихъ сакель; но напрасно обрадованный путникъ глядѣлъ бы на нихъ какъ на пріютъ спасенія. Каждому посѣтившему Сунжу было извѣстно, что именно изъ этихъ-то придорожныхъ сакель и стрѣляли въ проѣзжающихъ.... И вотъ тройка несетъ во весь опоръ; казаки скачутъ по сторонамъ, наклонивъ длинные пики. Рука проѣзжающаго судорожно сжимаетъ рукоятъ пистолета, и пашка его до половины вытащена изъ ноженъ.... Въ подобномъ положеніи лучше быть на конѣ, чѣмъ въ повозкѣ!... Самый

вопросъ, шевелящійся въ это время въ душѣ, ничуть не ниже знаменитаго „быть или не быть“.

А между тѣмъ партія уже близко. Вотъ она заколебалась, отхлынула по сторонамъ, и тутъ только наши замѣтили въ серединѣ мюридовъ арбу, запряженную парой рослыхъ быковъ, роскошно убранную горскими коврами и наполненную женщинами. Это былъ просто свадебный поѣздъ.

Мирные горцы видѣли, какъ выткнулся на пригорокъ казакъ, какъ въ ту же минуту онъ исчезъ, и только еще долго маячила за курганомъ его длинная пика; слышали потомъ, какъ перервался звонъ почтового колокольчика и отъ души, конечно, посмѣялись надъ тѣмъ, что имъ удачно довелось сыграть роль чеченской партіи.

Такихъ случаевъ на Кавказѣ бывало много; но ими не слѣдуетъ пренебрегать, потому что подобныя мистификаціи, при малѣйшей оплошности путника, часто превращаются въ горькую дѣйствительность. Мирные такъ же ловко берутъ, по крайней мѣрѣ брали, плѣнныхъ, какъ немирные, и въ этомъ искусствѣ между ними, пожалуй, не было разницы. Вотъ что случилось разъ въ окрестностяхъ самаго Чирь-Юрта. Юнкеръ Нижегородскаго полка Г*, возвращавшійся вечеромъ изъ сосѣдняго аула, почти подъ самымъ урочищемъ повстрѣчался съ нѣсколькими горцами, ѣхавшими, повидимому, изъ нашего укрѣпленія. Въ числѣ ихъ былъ одинъ, долго служившій нукеромъ у полковаго командира князя Чавчавадзе и, стало быть, знакомый большинству офицеровъ Нижегородскаго полка. Онъ подѣхалъ къ юнкеру и, послѣ обычныхъ привѣтствій, завелъ съ нимъ незначительный разговоръ, въ продолженіе котораго измѣннической ударъ, направленный сзади, поразилъ Г*. Въ одну минуту онъ былъ сброшенъ съ лошади, обезоруженъ и увезенъ далеко въ Салатавскія горы, гдѣ долгимъ и мучительнымъ плѣномъ долженъ былъ выкупать свою минутную оплошность. Правда, случай этотъ былъ единственный въ своемъ родѣ, но и его достаточно, чтобы показать, какой опасности подвергались обитатели Чирь-Юрта, даже въ виду своего укрѣпленія.

Положимъ однако, что опасность за воротами была удѣломъ большей части нашихъ кавказскихъ укрѣпленій; но ежели всмотрѣться повнимательнѣе въ оборонительныя линіи Чирь-Юрта, то нельзя было не придти къ убѣжденію, что и самое

урочище-то не находилось въ совершенной безопасности отъ покушенія горцевъ. Я не знаю, было ли оно въ послѣднее время обнесено глубокимъ рвомъ, какъ это, разумѣется, предполагалось сдѣлать съ самаго начала; но до окончанія послѣдней турецкой войны рва никакого не было, или, пожалуй, онъ существовалъ въ проектѣ. Да вѣдь мало ли что показано въ проектахъ!... Подъѣзжая къ Чирь-Юрту, вы, бывало, сейчасъ же убѣждались, что все оборонительное средство его заключается въ казарменныхъ стѣнкахъ, выходящихъ глухою стороною наружу, такъ что издали, ежели бы не торчали остроконечныя крыши съ выбѣленными трубами, можно было подумать, что урочище обнесено стѣною, съ пробитыми въ ней бойницами.

Но стѣны, выведенныя изъ саманнаго кирпича, перемѣшаннаго съ глиной и навозомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были не совсѣмъ прочны, чему, какъ доказательство, можетъ служить слѣдующій случай: въ одну изъ самыхъ темныхъ кавказскихъ ночей, нѣсколько горцевъ подобрались къ конюшнѣ и стали выламывать стѣну, стараясь расширить отверстіе, черезъ которое, какъ черезъ ворота, можно было бы вывести нѣсколько лошадей. Нѣтъ сомнѣнія, что партію подвель кто-нибудь хорошо знакомый не только съ образомъ чирь-юртовской жизни, но даже съ характеромъ его построекъ: не даромъ въ Нижегородскомъ полку, незадолго передъ тѣмъ, бѣжалъ одинъ каменщикъ, выкладывавшій эти самыя стѣны. Какъ ни рисковано было задуманное предпріятіе, однако оно едва не удалось. Работали горцы поспѣшно и такъ тихо, что часовой, находившійся въ той же самой конюшнѣ, замѣтилъ продолжку ихъ только тогда, когда нѣсколько кирпичей уже было вынута и на него пахнуло свѣжимъ воздухомъ, ворвавшимся черезъ отверстіе. По крику часового, дежурный въскочилъ изъ Чирь-Юрта, обшарилъ всѣ кротовыя норки и никого не нашелъ. На такую штуку поддѣть горца весьма трудно: надо имѣть змѣиную изворотливость и его проворство, чтобы вездѣ пролѣзть безъ шороху, пройти безъ шума и обмануть самый зоркій глазъ преслѣдующаго. Въ этомъ дѣлѣ и кошачья обувь помогаетъ горцу, потому что легкій чевякъ совсѣмъ не то, что драгунскій сапогъ, да еще подъ часъ подбитый подковою.

Послѣ уже стали говорить, что солдату, не производя тревоги, потихоньку слѣдовало дать знать въ казарму, откуда

вышли бы пѣшіе охотники и накрыли бы горцевъ во время ихъ работы; но все это, разумѣется, говорили на-досугъ, а когда часовой увидалъ передъ собою ворота тамъ, гдѣ ихъ отъ роду не было, ему было, конечно, не до мудреныхъ соображеній.

Впрочемъ, горскіе хищники появлялись и въ самомъ Чирь-Юртѣ; т. е. если хотите, это были не горцы, а бѣглые, но это все равно, а иногда еще и хуже. Если читатель не поскучаетъ рассказомъ, то вотъ что случилось однажды. Въ одну изъ темныхъ ночей (въ свѣтлыя ночи, прошу замѣтить, подобныхъ происшествій не случалось), когда глаза дѣлаются бесполезными до такой степени, что хоть выколи ихъ, какъ говорить русская пословица, въ чирь-юртовской слободкѣ поднялась суматоха: поймали чеченца, оказавшагося бѣглымъ русскимъ артиллеристомъ. Пойманный артиллеристъ, сознавшись разъ, пошелъ по этому пути далѣе: началъ выдавать товарищей и первымъ назвалъ Радомцова, пробравшагося въ самое урочище. Кто изъ жившихъ по сулакской линіи не слышалъ про Радомцова? Это былъ драгунъ, бѣжавшій въ горы и надобившій своими наѣздами до того, что голова его, какъ говорятъ, была оцѣнена въ мѣшокъ золота. Мѣшокъ чистаго золота! Соблазнительная вещь и не для горца! Горецъ и за одинъ рубль, только новой, красивой чеканки, готовъ на какое угодно преступленіе — а тутъ, аллахъ, аллахъ! мѣшокъ золота! Участь Радомцова была рѣшена, головѣ его грозила бѣда неминуемая; но Радомцовъ былъ не такой человѣкъ, чтобы потеряться изъ пустяковъ: онъ продолжалъ водить наѣзды на русскія границы и въ то же время смотрѣлъ зорко за своими пріятелями, чтобы они не свернули ему шею, потому что, по этой части, горцы мастера и искусники перваго сорта.

Итакъ, этого-то Радомцова предлагали теперь живаго. „Очень хорошо“, подумали тогда въ Чирь-Юртѣ, „а еще лучше, что и золото не уйдетъ въ горы!“ Сейчас же собрали вахмистровъ, приступили къ поискамъ, усилили въ воротахъ караулы и запретили выпускать одиночныхъ людей изъ Чирь-Юрта.

А Радомцевъ, забравшись въ пустую конюшню одного эскадрона, находившагося тогда въ экспедиціи, спокойно лежалъ въ сѣнѣ, слышалъ разговоры проходившихъ мимо солдатъ и соблазнительно поглядывалъ на тройку упряжныхъ лошадей, стоявшихъ передъ его носомъ. На дворѣ свѣтало; барабанъ пробилъ утреннюю зорю, и обозъ, назначенный съ вечера на

порубку лѣса, потянулся къ площади. Сталъ собираться въ дорогу и Радомцовъ. Состроивъ весьма искусно казенную, деньщицью физиономію, въ одной рубашкѣ, безъ шапки, сѣлъ онъ верхомъ на коренную лошадь и повелъ всю тройку къ водопою. Въ воротахъ его было остановили, но, убѣжденные просьбами позволить напоить лошадей, пропустили. Радомцовъ осторожно спустился съ крутаго берега, въѣхалъ въ Сулакъ и сталъ поить лошадей, понемногу подаваясь все впередъ и впередъ. Когда онъ достигъ до половины рѣки, то гикнулъ—кони рванулись и мгновенно вынесли его на противоположный берегъ. Пока въ Чирь-Юртѣ распространилась тревога, Радомцова простылъ и слѣдъ. Но не долго пришлось погулять молодцу. Вскорѣ, послѣ этого происшествія, въ Чирь-Юртѣ пріѣхали какіе-то горцы: въ торогахъ у нихъ былъ мѣшокъ. Они явились прямо къ начальнику, развязали торбу и выбросили на землю обезображенную, окровавленную голову. Голова была Радомцова!

Подобные случаи, конечно, бывали и прежде и послѣ этой исторіи, а одинъ разъ горцы рѣшились даже открытою силою напасть на нижегородцевъ, но, жестоко наказанные, съ тѣхъ поръ и близко не подходили къ Чирь-Юрту. Вотъ какъ это случилось: въ Нижегородскомъ полку бѣжалъ одинъ татаринъ, по имени Агалло, служившій долгое время нукеромъ у полковаго командира. Онъ поселился въ салатавскомъ аулѣ Делышѣ и, какъ человѣкъ, которому вся жизнь и всѣ обычаи Чирь-Юрта были извѣстны, словно свои пять пальцевъ, скоро пріобрѣлъ между горцами нѣкоторое вліяніе. Зная, напримѣръ, что, по неимѣнію въ Чирь-Юртѣ колодцевъ, драгуны поили лошадей въ Сулакѣ, при чемъ эскадроны выходили обыкновенно безъ оружія и каждый солдатъ имѣлъ по двѣ и по три лошади, онъ вознамѣрился воспользоваться этимъ обстоятельствомъ чтобы отбить лошадей во время водопоя. Мысль свою онъ сообщилъ наибу; но тотъ, прежде чѣмъ изъявить согласіе, рѣшился самъ удостовѣриться въ возможности такого предпріятія. И вотъ, въ темную ночь, сопровождаемый Агалло и еще однимъ нукеромъ, онъ переплылъ Сулакъ и на берегу его засѣлъ въ глубокой ямѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что эти ямы, глубиною въ ростъ коннаго человѣка, тянулись нѣсколькими рядами по окраинѣ чирь-юртовскихъ огородовъ и спускались къ самому Сулаку. Онѣ были вырыты нижегородцами еще въ

то время, когда драгуны добывали землю для первоначальнаго устройства своихъ землянокъ, и, имѣя удобныя вѣзды и выѣзды, могли, дѣйствительно, служить мѣстомъ для удобной и сильной засады.

Какъ только стало разсвѣтать, наибъ увидѣлъ нижегородскіе эскадроны, которые одинъ за другимъ выходили изъ Чирь-Юрта и, вытягиваясь длинною линіею, поиди въ рѣжъ своихъ лошадей. Этого было довольно, чтобы, возвратившись въ горы, наибъ и Агалло тотчасъ же начали набирать партію. Охотниковъ явилось много; но изъ нихъ взяли только 500 человекъ самыхъ добродѣтельныхъ наездниковъ, и раздѣлили на двѣ части: одна, подъ предводительствомъ наива, должна была, перейдя Сулакъ, произвести нападеніе, а другая, оставаясь на противоположномъ берегу, перенять лошадей и гнать ихъ далѣе въ горы.

Къ крайнему несчастію наива, въ числѣ его партіи были два татарина, бѣжавшіе въ горы изъ мирнаго султанъ-юртовскаго аула. Они, желая возвратиться на родину, рѣшились предупредить нижегородцевъ объ опасности и этою цѣною заслужить себѣ помилованіе.

Извѣстіе доставлено было имъ вовремя, и какъ опасность уже миновалась, то у нижегородцевъ, весьма естественно, родилась мысль жестоко наказать горцевъ, чтобы отбить у нихъ охоту къ подобнымъ предѣламъ на будущее время. Съ этою цѣлію командиръ полка, подполковникъ князь Чавчавадзе, выслалъ тотчасъ же изъ Чирь-Юрта рѣшшихъ охотниковъ, которые, подъ начальствомъ храбраго Менгдена, должны были выслѣдить мѣсто, гдѣ горцы устроятъ засаду, а подполковнику Шульцу съ четвертымъ дивизиономъ, на разсвѣтѣ, приказано было выступить къ водопою и, когда обманутые горцы кинутся на него изъ засады, встрѣтить ихъ рѣшительною атакою.

Подходя къ Сулаку, Менгденъ услышалъ глухой плескъ воды и скоро увидѣлъ горцевъ, одинъ по одному вѣзжавшихъ на нашъ берегъ. Чтобы лучше слѣдить за партіею, охотники спустились въ крайнюю яму и съ ужасомъ замѣтили, что горцы разсаживаются по тѣмъ же самымъ ямамъ, отрѣзывая имъ всякую возможность пробраться къ Чирь-Юрту. Находились смѣльчаки, которые брались пролѣзть сквозь непріятеля, но имъ не позволили, потому что, въ случаѣ неудачи, горцы, конечно, поторопились бы уйти, истребивъ напередъ небольшую горсть охотниковъ.

Между тѣмъ начало свѣтать, и 4-й дивизионъ выступилъ изъ Чирь-Юрта (*). Какъ только онъ подошелъ къ ямамъ, Агалло, обратившись къ наибу, сказалъ:

— Бѣда, мы пропали: дивизионъ идетъ не къ водопою, а въ развѣздъ: я вижу впереди офицеровъ.... вонъ подполковникъ Шульцъ и рядомъ съ нимъ, на бѣлой лошади, ѣдетъ князь Чавчавадзе....

— Что же намъ дѣлать? спросилъ наибъ.

— Спасаться, пока есть возможность....

И съ этимъ словомъ Агалло, наибъ и горцы, которымъ успѣли только сообщить приказаніе, выскочивъ изъ ямъ, бросились къ Сулаку. Другіе же, воображая, напротивъ, что настало время нападенія, бросились прямо къ драгунамъ.

Нижегородцы были поражены мгновеннымъ появленіемъ непріятеля. „Вонъ они! вонъ они!“ зашумѣло въ рядахъ, и по командѣ Шульца: „сабли вонъ, маршъ-маршъ!“ 7-й эскадронъ, повернувъ во фронтъ, устремился на горцевъ. Ошеломленные они кинулись къ Сулаку; но 8-й эскадронъ встрѣтилъ ихъ уже на переправѣ.... Тогда все перемѣшалось, и горцы вмѣстѣ съ драгунами начали бросаться въ Сулакъ прямо съ высокой кручи. Кто свалился съ коня, тотъ рубился пѣшимъ, по поясъ въ водѣ. Свалка была жаркая. Командиръ 7-го эскадрона, капитанъ Чавчавадзе, добрался было до самого наиба, но разрубилъ ему только папаху. Двадцать непріятельскихъ тѣлъ остались въ нашихъ рукахъ, столько же было унесено быстротою теченія, а еще большее число горцевъ убрались съ намѣченными плечами и спинами.... Нижегородцы потеряли одного человѣка убитымъ и шесть ранеными, всѣ холоднымъ оружіемъ. Лошадей выбыло изъ фронта 17. Командующій войсками въ прикаспійскомъ краѣ по достоинству оцѣнилъ это молодецкое дѣло.

(*) Это было 12-го января 1853 года.